

П. И. Якобий

**Записки Императорского
Русского Географического
Общества по отделению
этнографии**

**Том 32. Вятичи Орловской
губернии**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. И. Якобий**
Записки Императорского Русского Географического Общества по отделению этнографии: Том 32. Вятчи Орловской губернии / П. И. Якобий – М.: Книга по Требованию, 2016. – 280 с.

ISBN 978-5-518-07479-8

ISBN 978-5-518-07479-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Вятчи въ Орловской губерніи.

Географо-этнографическій этюдъ

д-ра П. И. ЯКОБІЯ.

Я прочиталъ съ большимъ интересомъ настоящую работу, посвященную изслѣдованію угро-финскаго матеріала, весьма важнаго для исторіи и этнографіи Россіи. Русскою наукою эти матеріалы разрабатывались до сихъ поръ сравнительно мало.

Позволю себѣ высказать нѣжеслѣдующія замѣчанія по поводу этого весьма обстоятельнаго труда.

На мой взглядъ, д-ръ Якобіи несомнѣнно доказалъ, что проживающіе въ Орловской губерніи Вятчи принадлежатъ къ финно-угрскому племени. Факты и послылки приведенныя д-ромъ Якобіемъ изъ области психіатріи и медицины, я, какъ непосвященный въ эти науки, не могу провѣрять, но совокупность историческихъ, этнографическихъ и лингвистическихъ данныхъ, на которыя онъ опирается, достаточна убѣдительна и вполне оправдываетъ высказанное авторомъ мнѣніе. Какъ финнологъ, я могу засвидѣтельствовать, что собраніе финно-угрскихъ географическихъ наименованій, приведенныхъ авторомъ, является весьма цѣннымъ матеріаломъ, существенно облегчающимъ дальнѣйшія изслѣдованія.

Указанныя авторомъ этнологическія черты характера Вятчей представляютъ во многомъ поразительное сходство съ первобытными чертами характера финно-угрскихъ племенъ. Въ равной степени и характерныя свойства говора, отмѣченныя авторомъ, приближаютъ говоръ Вятчей къ финскому языку. Также и въ области исторіи, отношенія Вятчей къ ихъ русскимъ завоевателямъ напоминаютъ отношенія западно-финскихъ племенъ (напр. Ливонцевъ и Эстовъ) къ ихъ покорителямъ нѣмцамъ. Даже въ религіи, у племенъ наследуемой области замѣчается появленіе сектъ аналогичныхъ тѣмъ, какія наблюдаются у западныхъ финскихъ племенъ, у Суоми-финновъ и у Эстовъ.

Тѣмъ не менѣе, финнологамъ неоднократно придется возражать автору и оспаривать нѣкоторыя его положенія, и это не удивительно, такъ какъ авторъ лишь весьма поверхностно знакомъ съ финскими говорами. Онъ самъ, впрочемъ, въ этомъ чистосердечно сознается, и это сознаніе служитъ ему назиданіемъ. Несомнѣнно однако, что ученый,

предпринимающий лингвистическое изслѣдованіе, не усвоивъ основательно тѣ нарѣчія, которыя имъ изслѣдуются, ставитъ себя въ невыгодное положеніе. Я позволяю себѣ сдѣлать ниже нѣсколько критическихъ замѣчаній, по поводу нѣкоторыхъ толкованій автора, изъ наиболѣе знакомой мнѣ области западно-финскихъ языковъ:

1) Объясняя географическія имена, авторъ не дѣлаетъ должнаго различія между западными и восточными финскими говорами и трактуетъ ихъ какъ *единый* языкъ, тогда какъ, въ дѣйствительности, эти говоры весьма различны между собой. Авторъ приводитъ, для объясненія географическихъ наименованій въ одной и той-же мѣстности, слова, заимствованныя имъ то изъ западнаго, то изъ восточнаго финскаго говора, тогда какъ Вятichi, вужно полагать, не могли одновременно принадлежать къ обѣимъ означеннымъ группамъ финно-угрской народности. Иногда даже, для установленія финно-угрскаго происхожденія географическихъ наименованій, авторъ прибѣгаетъ къ латышскому языку, что ни въ какомъ случаѣ не допустимо, такъ какъ латышскій языкъ не принадлежитъ къ группѣ финно-угрскихъ нарѣчій, но образуетъ, какъ извѣстно, совместно съ литовскимъ, особую вѣтвь нидо-европейскихъ языковъ. Такой lapsus scientiae встрѣчается на стр. 167 и 168, въ томъ мѣстѣ, гдѣ авторъ пытается объяснить слова „*Уна*, *Упереть*, *Уика*“ и пр., отождествляя ихъ съ входящимъ въ составъ лифляндскихъ географическихъ наименованій словомъ „*Уне*“ или „*Унне*“, не упоминая, а можетъ быть и не подозревая, что слово это принадлежитъ не къ финскому, а къ латышскому языку, что оно встрѣчается только въ мѣстностяхъ, гдѣ господствуетъ латышскій языкъ, означая въ переводѣ „рѣка“. Читатель испытываетъ странное впечатлѣніе, встрѣчаясь съ подобными объясненіями автора, который даже въ нѣкоторыхъ географическихъ наименованіяхъ въ самыхъ дальнихъ восточныхъ областяхъ Сибири находитъ этотъ латышскій корень (напр., „*Уба*—озеро Тобольской губ.“; „*Убинское* озеро, *Убинка* рѣка, *Убино* деревня Варабинской степи“; „*Убиена* рѣка на Алеутскомъ островѣ Атта“).

2) Для объясненія имени „Одоевъ“, на стр. 31, д-ръ Якобіи упоминаетъ о названіи стариннаго эстонскаго замка „*Odenpa*“ („*Oden-ne*“). Русскимъ лѣтописцемъ переведено это названіе, совершенно правильно, „Медвѣжья Голова“, но авторъ вноситъ странную поправку, онъ говоритъ: „Вѣроятно *Oden-ni*, Медвѣжья сыны“. Такимъ образомъ, онъ измѣняетъ несомнѣнное, еще теперь употребительное эстонское слово „*pää*“, которое находится въ окончаніи „*ne*“=„*pää*“, безъ всякаго основанія, въ „*ni*“, т. е. въ вотякское или зырянское слово, означающее въ переводѣ „сынъ“ и соответствующее финскому *poika*, эстонскому *poig*, роег и ливонскому *puoga*. Тогда какъ слово *pää* на финскомъ, эстонскомъ и ливонскомъ нарѣчіяхъ значить „голова“ и весьма часто встрѣчается въ названіяхъ мѣстностей, образуя вторую половину или окончаніе названія. Автору же оно очевидно не извѣстно, и онъ пользуется, для объясненія наименованія, ему хорошо знакомымъ вотякско-зырянскимъ *pi* („пи“).

3) На стр. 131, имена *Песога* (рѣка) и *Песога* (городъ) провозводятся авторомъ отъ финскаго корня „*pes*“. Возможно, что тутъ авторъ и

правъ, но онъ своего мнѣнія ничѣмъ не обосновываетъ. Онъ не изслѣдуетъ въ какомъ соотношеніи къ русскому *Псковъ* находится старинное нѣмецкое названіе того-же города „*Pleskau*“ или еще болѣе старинное финское *Pihkwa*. Эстонская форма разлагается на *Pihk-wa*, въ нѣмецкомъ наименованіи мы встрѣчаемъ звукъ *k*. Какъ объясняются эти уклоненія отъ русскаго образованія, и какимъ образомъ всѣ три формы сводятся къ основной формѣ „пес“?

Пока авторъ намъ этого не уяснилъ, гипотеза его остается не провѣренной, и финское происхожденіе наименованія „Псковъ“ не *доказаннымъ* и научно не *обоснованнымъ*. Отъ того же имъ предполагаемаго финскаго корня „пес“ авторъ производитъ наименованіе мѣстечка Печоры, въ Псковской губерніи, приписывая ему, такимъ образомъ, финское, точнѣе эстонское происхожденіе. Тутъ авторъ очевидно впадаетъ въ ошибку. Мѣстечко Печоры или Печеры, не далеко отъ лифляндской границы, есть, какъ исторически доказано, поселокъ, основанный русскими переселенцами. Въ концѣ XV столѣтія, православнымъ священникомъ, по имени Іоанномъ, здѣсь основанъ монастырь, и въ *пещертъ*, тутъ же находившейся, устроенъ православный храмъ. И монастырь и пещера существуютъ и по нынѣ, и пещера эта и ея святыни особенно почитаются вѣрующими. Не можетъ быть сомнѣнія, что наименованіе Печеры или же Печоры происходитъ отъ русскаго *пещера* или *пещера*. Предположеніе это находитъ себѣ подтвержденіе въ нѣмецкомъ наименованіи *Petschur*, напоминающемъ встрѣчающуюся также въ великорусскомъ говорѣ форму *печура*—пещера.

Нѣмцы переняли это наименованіе отъ русскихъ. Эстонцы называютъ это мѣстечко *Petseri*; форма эта представляетъ лишь отвѣчающее законамъ эстонскаго языка измѣненіе русскаго *пещера*, *пещера*, Печоры. Мнѣніе, что наименованія Псковъ и Печоры происходятъ отъ одного и того-же финскаго корня „пес“, не выдерживаетъ критики, такъ какъ именнo эстонскія наименованія этихъ мѣстностей совершенно различны, *Pihkwa* и *Petseri*, и ихъ невозможно свести къ одной основной формѣ.

Точно также и въ другихъ случаяхъ, уважаемый авторъ заблуждается въ приводимыхъ имъ лингвистическихъ объясненіяхъ. Такъ, напр., на стр. 37ff, при объясненіи названія города *Venezъ*, онъ невѣрно сближаетъ съ нимъ названіе лифляндскаго города *Венденъ* и названіе рѣки *Двинъ*; и далѣе, на стр. 45ff, ошибочно также объясненіе, даваемое авторомъ наименованію города *Тула*, которое онъ отождествляетъ съ *ultima Thule*.

Такъ какъ я не задался здѣсь цѣлью дать исчерпывающую критику настоящаго изслѣдованія, а имѣлъ въ виду лишь высказать общую оцѣнку его, то я и заканчиваю этимъ свои критическія замѣчанія, выражая пожеланіе, чтобы трудъ автора былъ напечатанъ. Этимъ будетъ дана возможность болѣе широкому кругу ученыхъ воспользоваться результатами даннаго изслѣдованія, и, сдѣлавъ ему оковательную оцѣнку, выдѣливъ и отбросивъ то, что будетъ признано несостоятельнымъ, включить остальное въ сокровищницу отечественной науки.

Д-ръ Я. Гуртъ.

Д-ръ ЯКОВІЙ: Вятичи въ Орловской губерніи. Географо-отнографическій этюдъ.

Ich habe das vorliegende Werk des Herrn Dr. P. Jacoby mit grossem Interesse durchgelesen, weil es für die Geschichte und Ethnographie Russlands wichtige finnisch-ugrische Materien zum Gegenstande seiner Forschung gemacht hat, die in der russischen Wissenschaft bisher nur eine verhältnissmässig geringe Bearbeitung gefunden haben, und erlaube mir nun folgende Bemerkungen zu der fleissigen Studie.

Meines Erachtens hat Dr. P. Jacoby überzeugend nachgewiesen, dass die Вятичи im Gouvernement Orel ein Völkchen finnisch-ugrischen Ursprunges sind. Seine psychiatrischen und medicinischen Facta und Hinweise kann ich als Laie nicht beurteilen, aber *die Summe* seiner geschichtlichen, ethnographischen und linguistischen Beweise scheint mir durchaus hinreichend zu sein, die Ansicht des Verfassers zu bestätigen. Vom Standpunkte eines Finnologen kann ich constatiren, dass der Autor ein dankenswertes Material an geographischen Namen finnisch-ugrischer Herkunft in grosser Menge zusammengetragen hat, das ein weiteres Forschen auf diesem Gebiet wesentlich erleichtert. Die angeführten ethnologischen Charakterzüge der Вятичи haben mehrfach eine frappante Aehnlichkeit mit dem ursprünglichen Character der finnisch-ugrischen Völker. In gleicher Weise stimmen die sprachlichen Merkmale, die der Verfasser von der Mundart der Вятичи constatirt, vorzüglich zu dem finnischen Idiom. Auch das historische Verhalten der Вятичи gegen die russischen Eroberer erinnert an die Westfinnen (z. B. die Liven und Esten) in ihrem Verhalten zu den deutschen Eroberern. Selbst die religiösen Erscheinungen in dem beschriebenen Gebiet haben ihre Analogien in dem Sectenwesen der Westfinnen, resp. der Suomi-Finnen und Esten.

Im Einzelnen jedoch werden die Finnologen dem Herrn Verfasser vielfach widersprechen müssen, was uns nicht Wunder nehmen kann, da er die finnischen Idiome nur sehr oberflächlich kennt. Er gesteht übrigens das selbst freimütig, was ihm zur Entschuldigung dienen möge. Aber bedenklich und anfechtbar ist und bleibt es immer, sprachliche Untersuchungen vorzunehmen, ohne die betreffenden Sprachen recht studirt zu

haben. Ich erlaube mir aus dem Gebiete der westfinnischen Sprachen, das ich selbst am besten und zuverlässigsten kenne, nachstehende kritische Notizen zu den Erörterungen des Herrn Verfassers zu machen:

1) Der Verfasser sondert bei der Deutung der geographischen Namen die west- und ostfinnischen Idiome gar nicht, als wären sie *eine* Sprache, während sie in der Wirklichkeit doch sehr verschieden von einander sind. Bald wird ein ostfinnisches, bald ein westfinnisches Idiom herbeigezogen, um einen geographischen Namen einer und derselben Gegend zu erklären, während wir annehmen müssen, dass die *Вятчи* unmöglich beiden Gruppen der Ugro-Finnen zugleich angehören können. Ja selbst das Lettische wird herangezogen, um den finnisch-ugrischen Ursprung geographischer Benennungen darzuthun, was in keinem Falle angeht, da — wie bekannt — das Lettische gar keine finnisch-ugrische Sprache ist, sondern mit dem Litthauischen zusammen einen besonderen Zweig der arischen oder indoeuropäischen Sprachen bildet. Dieser lapsus scientiae kommt pag. 167 und 168 vor, wo der Verfasser die Namen „*Уна, Упереть, Унка* etc.“ erklären will. Er erklärt sie aus dem in Livland bei geographischen Namen vorkommenden Worte „*Уне*“ oder „*Уне*“, ohne zu sagen oder zu wissen, dass dieses Wort nicht finnisch, sondern lettisch ist und auch nur im lettischen Sprachgebiet vorkommt, „Fluss“ bedeutend. Es mutet den Leser ganz eigentümlich an, wenn er hört, dass der Verfasser den lettischen Wortstamm auch in sibirischen, ja in den fernsten ostasiatischen Benennungen findet („*Уба* озеро Тобольской губ.“; „*Убинское* озеро, *Убинка* рѣка, *Убино*, деревня Барабинской степи“; „*Убиена*, рѣка на Алеутскомъ островѣ Атра“).

2) Bei der Erklärung des Namens „*Одоеса*“ pag. 31 erwähnt Herr Dr. Jacoby auch der alten estnischen Burg *Odenpä* („*Oden-ne*“). Schon der russische Chronist hat diesen Namen richtig übersetzt „*Медвѣжья Голова*“, aber sonderbarer Weise sagt unser Autor: „*Въроятно Оден-ни — „Медвѣжьи сыны*“. Er verwandelt das klare, noch heutzutage gebräuchliche estnische Wort *pää*, das in der Endung „*ne*“=*pä* steckt, ohne alle Berechtigung in „*па*“, d. h. in ein wotjakisches und syrjänisches Wort, das in diesen Idiomen „Kind, Sohn“ bedeutet und dem finnischen *poika*, dem estnischen *poig*, *poeg* und dem livischen *püoga* entspricht. *Pää* heisst im Finnischen, Estnischen und Livischen „Kopf“, ein Wort, das vielfach als zweiter Bestandteil oder Endung in Ortsnamen gefunden wird. Unserem Verfasser ist das offenbar unbekannt gewesen, während er das wotjakisch-syrjänische *pi* („*па*“) gar wohl kannte.

3) Pag. 131 werden die Namen *Пскова* (Fluss) und *Псковъ* (Stadt nebst Gouvernement) von einer angenommenen finnischen Wurzel „*нос*“ abgeleitet. Es kann sein, dass der Verfasser mit seiner Ableitung Recht hat, aber bewiesen hat er dieses Recht nicht. Er hat es ganz unterlassen zu untersuchen, in welchem Verhältnisse die sehr alte deutsche Benennung, *Pleskau*, und die gewiss noch ältere estnische Form des Namens, *Pihkwa*, zu dem russischen Namen *Псковъ* stehen. Die estnische Formation zerlegt sich in *Pihk-wa*, in dem deutschen Namen finden wir den Laut *l*. Wie sind diese Abweichungen vom Russischen nun zu erklären, und wie sind

die abweichenden Formationen zusammen mit dem Russischen auf die Urform „*nec*“ zurückzuführen? Solange der Herr Verfasser das nicht klar gemacht hat, können wir seine Hypothese nicht als wissenschaftliche Thatsache hinnehmen. Der finnische Ursprung von Псковъ ist *nicht erwiesen* und *begründet*. Von derselben angenommenen finnischen Wurzel leitet der Autor auch den Namen des Fleckens Печоры im Pleskauschen Gouvernement ab, vindicirt demnach diesem Namen finnischen, resp. estnischen Ursprung. Hier geht der geehrte Herr Verfasser positiv in die Irre. Der Ort Печоры, auch Печеры geschrieben, nah an der livländischen Grenze, ist historisch erwiesener Weise eine russische Ansiedelung. Am Ende des XV. Jahrhunderts stiftete hier ein orthodoxer Priester Ioann ein Kloster und errichtete in einer vorgefundenen *Höhle* eine Kirche. Das Kloster und die Höhle bestehen noch heutzutage, und gerade die Höhle mit ihren Heiligtümern steht bei den Gläubigen in einem besonderen Ansehen. Ohne allen Zweifel stammt der Name Печеры, resp. Печоры, von dem russischen nomen appellativum пещера, пещера—Höhle ab. Bestätigt wird diese Annahme durch den deutschen Namen *Petschur*, welche Wortform sich auch im Grossrussischen vorfindet, пещура-пещера. Die Deutschen haben den Namen von den Russen erhalten und in ihren Sprachgebrauch aufgenommen. Die Esten nennen den Ort *Petseri*, was nur eine den Gesetzen der estnischen Sprache entsprechende Umformung des russischen пещера, пещоры ist. Die Meinung, dass Псковъ und Печоры, beide, von einer finnischen, resp. estnischen, Wurzel „*nec*“ herkommen, ist unhaltbar, denn gerade die estnischen Benennungen sind völlig verschieden, Pihkwa und Petseri, die sich nicht zusammenbringen lassen.

In ähnlicher Weise geht der verehrte Verfasser meines Brachtens auch sonst in seinen linguistischen Erklärungen vielfach in die Irre; so namentlich z. B. bei der Erklärung des Stadtnamens *Венець* pag. 37ff, wo er *Wenden* in Livland und den Flussnamen *Довна* mit *Венець* in Zusammenhang bringt; ferner bei der Besprechung des Namens *Тула* pag. 45ff, das sprachlich sogar mit der ultima Thule identificirt wird, u. s. w. Da es aber nicht meine Absicht ist, eine wissenschaftliche Kritik vom Standpunkte eines Finnologen über die Arbeit des Herrn Dr. Jacoby zu schreiben, sondern in gewordener Veranlassung nur meine Meinung über sie zum Ausdruck zu bringen, so schliesse ich hier meine Bemerkungen, aber mit dem Wunsch, der verehrte Verfasser möchte seine Studie dem Druck übergeben und dadurch einem weiteren Kreise von Forschern die Möglichkeit gewähren, die Ergebnisse seines Fleisses kennen zu lernen, sie zu prüfen und je nach dem Befunde entweder als Edelmetall in den Thesaurus der Wissenschaft zu thun oder Unhaltbares als Schlacke durch das Feuer der Kritik zu vernichten. Der vaterländischen Wissenschaft wird unter allen Umständen daraus ein Gewinn erwachsen.

Dr. J. Hurt.

Вятчи въ Орловской губерніи.

Географо - этнографическій этюдъ.

I.

Призванный въ 1893 г. организовать психіатрическое дѣло въ Орловской губерніи, я сдѣлалъ перепись душевно-больныхъ губерніи, системой двойной регистраціи, съ послѣдующею провѣркою на выборъ на мѣстѣ. Полученныя данныя ⁽¹⁾, нанесенныя на карту, давали сплошныя этническія территоріяльныя массы, хотя составныя части ихъ административно принадлежать часто даже къ различнымъ уѣздамъ, не только волостямъ или приходамъ. Статистика городского населенія, вообще представляющая меньшую достовѣрность, въ данномъ занимающемъ насъ вопросѣ не представляетъ и интереса этнографическаго, такъ какъ оно въ общемъ пришлое, смѣшанное ⁽²⁾, и потому не характеризуетъ страны. Мы оставимъ его въ сторонѣ, несмотря на его психопатическій и антропологическій интересъ, и ограничимся статистикою сельскаго населенія.

Относительное число душевно-больныхъ въ Орловской губерніи по уѣздамъ (на 1000 жит.)*) распределяются

такъ:

Уѣзды.	Чис. душ.-больн. на 1000 жит.:	Уѣзды.	Чис. душ.-больн. на 1000 жит.:
<i>IV. Крайніе западные:</i>		<i>I. Центральн. западные:</i>	
1. Брянскій	1,91	4. Болховскій.	3,14
2. Трубчевскій	1,55	5. Карачевскій	2,85
3. Сѣвскій	1,36	6. Дмитровскій	3,68

*) Помѣщенныя въ статьѣ „Психическія эпидеміи“ (Вѣстн. Евр. окт.) цифры полны опечатокъ.

Уѣзды.	Чис. душ.-болѣн. на 1000 жит.:	Уѣзды.	Чис. душ.-болѣн. на 1000 жит.:
<i>II. Центральн. восточные.</i>		<i>III. Крайніе восточные:</i>	
7. Мценскій	2,84	10. Малоархангельскій .	1,52
8. Орловскій	3,67	11. Ливенскій	1,83
9. Кромскій	2,27	12. Елецкій	1,92

Нѣтъ сомнѣнія, что разница между уѣздами громадна. 6 центральные уѣзды рѣзко выдѣляются изъ губерніи, и отличаются отъ 3-хъ западныхъ и 3-хъ восточныхъ. Дѣйствительно, беря среднее для каждой группы, мы получимъ а):

IV.	I.	II.	III.	
Крайн. западн. у.	Центр. зап. у.	Центр. вост. у.	Крайн. вост. у.	
число жит.				
на 1.000 ж.	1,61	3,22	2,93	1,76

Переходъ отъ крайнихъ западныхъ уѣздовъ къ смежнымъ съ ними центральнымъ очень рѣзокъ; это не переходъ даже, а прыжокъ. Затѣмъ цифра душевно-больныхъ нѣсколько понижается въ центральныхъ восточныхъ уѣздахъ, и разомъ падаетъ въ крайнихъ восточныхъ.

Но у насъ есть одно чрезвычайно характерное психіатрическое явленіе, давно уже исчезнувшее въ Европѣ, и сохранившееся, къ стыду нашему, въ центрѣ и на сѣверо-востокѣ Россіи,—мы говоримъ о кликушествѣ. Цифра кликушъ въ Орловской губерніи ужасающая; я имѣю поименный списокъ около тысячи кликушъ, и, конечно, они не все вошли въ этотъ списокъ. Ихъ относительное число (на 10.000 жителей) распредѣляется слѣдующимъ образомъ между уѣздами б):

Уѣзды.	Чис. кликушъ на 10 т. жит.:	Уѣзды.	Чис. кликушъ на 10 т. жит.:
<i>Крайніе западные.</i>		<i>Центральн. восточные.</i>	
1. Брянскій	1,40	7. Мценскій	5,90
2. Трубчевскій	0,20	8. Орловскій	4,77
3. Сѣвскій	1,20	9. Кромскій	6,60
<i>Центральные западные.</i>		<i>Крайніе восточные:</i>	
4. Болховскій	12,60	10. Малоархангельскій .	3,20
5. Карачевскій	9,00	11. Ливенскій	2,00
6. Дмитровскій	19,80	12. Елецкій	1,87

а) Картограмма № 1.
б) Картограмма № 2.